

Е Фаньсин встал ни свет ни заря, конечно же, вовсе не для того, чтобы полюбоваться утренним пейзажем. Просто он помнил вчерашнюю договорённость с Цзао-гэром.

Но в его доме — у этой искусной хозяйки... тьфу ты, искусного хозяина — оказалось не из чего готовить из-за пустых закромов, и на собственном огороде не нашлось ни единого пучка зелени, который можно было бы продать.

Если бы кто-то спросил, куда делись все овощи, он мог бы ответить лишь одно: лавчонку грабили вовсе не чужие мыши, а прежний владелец этого тела, и в конце концов все овощи уходили в семью Е — словно мясные булочки, отправленные собаке, откуда уже нет возврата.

Что касается серебра... конечно, с ним было то же самое.

Как говорится: деньги — это еще не всё, но без денег не сделать ничего.

Е Фаньсин не собирался дальше размышлять об этом. А что до денег, он всё же решил попытаться выпросить их у Сун Хаомина.

Толкнув дверь, Е Фаньсин напрямик направился на кухню. Раз уж сегодня предстояло отправиться в путь спозаранку, нужно было сперва приготовить завтрак для отца и сына — так ведь и просить денег было бы чуточку проще, верно?

Бросив взгляд на покрытую толстым слоем пыли плиту, он мысленно в очередной раз обругал прежнего хозяина тела: этот эгоист думал только о себе и совсем не заботился об остальных.

Как гласит народная мудрость, все болезни идут от еды, а кухня — это место, где готовится пища, поэтому там, естественно, должно быть идеально чисто.

Шаги, раздававшиеся во дворе то тут, то там, разбудили Сун Хаомина, который проспал всю ночь на стуле.

Сонно моргая, Сун Хаомин открыл глаза и увидел, что Е Фаньсин суетится во дворе между кадкой с водой и кухней.

Сун Хаомин счёл поведение Е Фаньсина несколько странным, но расспрашивать не стал.

Разобравшись с плитой, Е Фаньсин сварил в котелке жидкую рисовую кашу из остатков риса и муки.

Это ведь отличное угощение, как раз то, что нужно для человека с хроническим недоеданием и слабым желудком.

Хотя он понятия не имел, каково это на вкус, но с помощью 2587 всё должно получиться неплохо.

Как только из котла поплыл слабый аромат, Е Фаньсин прекратил возню, вытер руки и вышел из кухни — нужно было заглянуть в главную комнату и проверить, проснулись ли отец с сыном.

Широко распахнув глаза от удивления и глядя на посветлевшую полоску зари на горизонте, Е Фаньсин выпалил:

— Сун Хаомин, чего это ты подорвался так рано? Неужели восход захотел посмотреть?

Сун Хаомин слегка нахмурился и сквозь зубы произнес:

— Е Фаньсин, ты перед тем как говорить, думай хоть иногда.

— А?

Вчера он вернулся в комнату затемно и совершенно забыл, что его нынешние ноги парализованы. Неужели он проспал всю ночь на улице?

Но тогда как же он выбрался из комнаты раньше?

Е Фаньсин с некоторым недоумением и неловкостью потрогал кончик носа, после чего украдкой бросил на Сун Хаомина ещё один взгляд.

У Сун Хаомина на виске задергалась жилка:

— Говори прямо, если есть что сказать.

— Ну... — замялся Е Фаньсин и тихонько проговорил: — У тебя случайно не осталось серебра? Я займу, я обязательно верну.

С этими словами он поднял три пальца, собираясь поклясться небом.

Однако закончить клятву ему не дали.

— Последние тридцать вэней!

Его слова еще не затихли, как серый кошель с деньгами тяжело шмякнулся к ногам Е Фаньсина.

Е Фаньсин, который за всю свою жизнь еще ни разу не кланчил деньги, уставился на кошелек на земле, и лицо его то бледнело, то краснело.

В этот момент со двора донесся звонкий голос:

— С раннего утра вы, муж с мужем, чего это тут друг на друга глаза таращите?

Е Фаньсин торопливо подхватил с земли кошель, обернулся и увидел вошедших Е Юйшаня и Цзао-гэра — сразу стало понятно, что они пришли позвать его на рынок.

Е Юйшань быстрыми шагами подошел к Сун Хаомину, заметил покрытую росой одежду на его плечах, бросил мимолетный взгляд на младшего братца, который как раз беседовал с супругом, и в его глазах промелькнула беспомощная искра.

— Братец Юйшань, снова доставляю тебе хлопоты, — смущенно произнес Сун Хаомин.

Не успел Е Юйшань ответить, как Е Фаньсин, горевший желанием проявить себя с лучшей стороны, тут же подскочил к ним и затараторит:

— Да я же здесь! Если что-то нужно, говори прямо мне, зачем же утруждать братца Юйшаня?

Глядя на его лицо, похожее на палитру художника, и вспоминая о его неподвижных ногах, Е Юйшань подумал, что тот, должно быть, просто захотел до ветру...Е Фаньсин подумал об этом и тут же поспешно произнес:

— Тебе нужно пописать? Давай, я помогу тебе дойти до уборной.

Сун Хаомин скрежетал зубами, глядя на совершенно невозмутимого Е Фаньсиня, и никак не мог взять в толк, как тот вообще осмелился так прямолинейно заявить об этом при посторонних.

Услышав такие слова, Е Юйшань тоже тяжело вздохнул, но вовремя вмешался и выручил Сун Хаомина.

— Син-гэр, всё ли готово для поездки на рынок? Если собрался, отправляйтесь с Цзао-гэром первыми, а я следом за вами.

— Ой!

Е Фаньсин взглянул на покрасневшего до ушей Цзао-гэра и только тогда вспомнил, что именно только что сболтнул. Но, подумав чуть дольше, решил: все они взрослые мужики, разве это не

обычное дело?

Он и забыл, что душа у него современная, а в наше время даже сходить в туалет вместе, чтобы сравнить размеры — вполне себе нормальная практика.

К тому же Е Фаньсин уже напрочь забыл, что в данный момент он вовсе не мужчина, а гэр.

Деревня Далю находилась не так уж далеко от городка Чидин, пешком туда можно было добраться примерно за час с небольшим. Если же ехать на воловьей повозке, выходило куда быстрее, а главное — гораздо менее утомительно.

Поскольку сегодня выдался базарный день, нужно было отправляться пораньше, чтобы успеть занять места в повозке, иначе тем, кто опаздывал на ярмарку, приходилось топтать туда своими двоими.

И хотя большинство крестьян не горело желанием ездить на волах, те, кому нужно было продать товар, от такой возможности не отказывались, прекрасно понимая: кто приедет раньше, тот и сорвет барыш.

Е Фаньсин вместе с Цзао-гэром добрались до деревенских ворот и отдали по два медных гроша вознице Цянь Сяньвэню.

Этот Цянь Сяньвэнь был странным малым: будучи сыном старосты, он совершенно не пользовался отцовской благосклонностью.

Староста считал, что этот недоносок позорит имя, которое он в свое время за целых десять монет попросил выбрать деревенского предсказателя. Имя «Сяньвэнь» значило «стремящийся к грамоте и ученым степеням», подразумевая, что сын будет учиться и сдаст императорские экзамены, а тот в итоге провонял мелкими деньгами.

В повозке сидели замужние женщины, замужние гэры и незамужние девицы из деревни Далю. Среди них обнаружилась и одна знакомая — сноха старшего дяди Е Фаньсиня, то есть его двоюродная невестка Тянь Гуйхуа.

— Ой-ой-ой, гляньте-ка, кто это тут у нас! Надо же какая у меня память, не иначе как Син-гэр из дома моей доброй третьей тетушки. Как же это ты, увидев двоюродную невестку, даже словом не обмолвился?

Не дождавшись от Е Фаньсиня никакого ответа, она с кислым видом протянула:

— Эх, и правда говорят, выданный замуж гэр — что вода, пролитая мимо. Родная матушка в гости зайдет, и ту со двора метлой гонят, чего уж ждать от меня, невестки из соседнего колена.

Тянь Гуйхуа редко выпадала возможность прогуляться до городка, поэтому нарядилась в простую холщовую рубаху — всем своим видом показывая обновку. В повозке было невыносимо скучно, и, заметив поднимающегося Е Фаньсиня, она тут же решила ядовито уколоть его.

Всё, что произошло у них дома вчера, Тянь Гуйхуа видела своими глазами; и раз даже такая скандальная баба, как ее третья тетушка Е Сюй-ши, не смогла совладать с этим наглым парнишкой, ей самой оставалось только поупражняться в острословии.

Е Фаньсин придерживался правила, что благородный муж не станет воевать с женщиной, поэтому ему и впрямь не хотелось связываться с этой недалекой дурой.

Заметив, что Е Фаньсин ее игнорирует, да еще и при таком скоплении народу, а ведь она ему всё-таки невестка, Тянь Гуйхуа решила, что он просто не смеет проявить к ней неуважение. Осмелев от безнаказанности, она протянула свою пухлую ручищу и, пока Е Фаньсин не успел отпрянуть, изо всех сил ущипнула его за руку.

— Ишь ты, прикинулся глухим!

— Пошла вон, — холодно бросил Е Фаньсин.

— Ой глядите-ка, бунтовать вздумал!

С этими словами Тянь Гуйхуа взмахнула руками с забитыми грязью под ногтями и попыталась расцарапать Е Фаньсиню лицо.

Глядя на эти грязные лапы, Е Фаньсин понял: эта баба всерьез вознамерилась изуродовать его.

Топтать свое достоинство дальше было нельзя. И что с того, что мужчина ударит женщину!

<http://bllate.org/book/22475/2366686>